

УДК 830–3(091)

**«НЕУЖЕЛИ ВСЕГДА НУЖНО БЫТЬ НАСТОЛЬКО НЕМЦЕМ?»:
ИРОНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НЕМЕЦКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РОМАНЕ Д. КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»**

© 2011 г.

Е.Г. Процина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

lezerin@list.ru

Поступила в редакцию 10.12.2010

Анализируется ироническая рецепция основных свойств немецкой ментальности в романе Д. Кельмана «Измеряя мир».

Ключевые слова: современный немецкоязычный роман, проблема идентичности, ирония.

Со времен нашумевшего романа Патрика Зюскинда «Парфюмер» книга современного австрийского писателя Даниеля Кельмана «Измеряя мир» (Daniel Kelmann «Die Vermessung der Welt») – один из немногих (в немецкоязычном литературном контексте последних десятилетий) примеров «интернационально успешного проекта». Роман нашел признание и у публики, и у критиков. Он вошел в шорт-лист престижной книжной премии «Der Deutsche Buchpreis» (по своему рангу сопоставимой с Гонкуровской и Буковской) за лучший роман, написанный на немецком языке. Он получил хвалебную прессу, стал бестселлером, лидируя в рейтинге продаж. На сегодняшний момент «Измеряя мир» Д. Кельмана называют самым ярким немецкоязычным романом послевоенного периода, получившим мировой резонанс. Успех книги внутри страны и за ее пределами, как представляется, во многом связан с тем, что автору удалось с удивительным изяществом и иронической пронизательностью коснуться насущных для немецкого культурного сознания проблем. Одна из них – проблема национальной идентичности. В связи с событиями Второй мировой войны она носит для немецкого общества трагический характер. Тема национальной вины и стыда в различных ее преломлениях отчетливо звучит в произведениях конца XX – начала XXI века в Германии (достаточно ярко этот культурно-психологический комплекс воплощен в творчестве современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка). Д. Кельман уходит от трагической истории Германии последнего века, обращаясь к эпохе, когда немецкий дух еще не был замутнен завораживающими, но неоднозначными концепциями Шопенгауэра и Ницше. Исходя во многом из постмодернист-

ской идеи конца истории, современный автор обращается к достаточно знаковым для немецкой культуры именам и явлениям, но это обращение к прошлому принципиально лишено пафосности и дано в плане насмешливо-субъективного взгляда на общенациональную традицию и культурные авторитеты. Ирония, которую можно рассматривать как один из признаков немецкого стиля, начиная с романтиков и даже раньше, характеризует в романе авторское видение истории, ее ключевых фигур и немецкой ментальности.

В жанровом отношении «Измеряя мир» – это ироническое переосмысление традиционной формы романа-биографии, беллетризованное повествование о жизненном пути двух гениев немецкой науки – Иоганна Карла Фридриха Гаусса (Johann Carl Friedrich Gauß, 1777–1855) и Александра фон Гумбольдта (Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt, 1769–1859). Интерес к биографизму – отличительная черта современной культуры. Этот жанр переживает сейчас расцвет не только в литературе, но и в кинематографе (о чем свидетельствует, к примеру, исключительная популярность байопиков). Биография как один из жанров художественно-документальной прозы (наряду с литературным портретом, мемуарами, автобиографией и др.) ставит своей целью создание целостного изображения индивидуального человека на панорамном фоне его жизни. Если традиционный историко-биографический роман сосредоточен преимущественно на эпохе и ее закономерностях как решающем факторе формирования и развития героя, а романтизированные жизнеописания дают исключительно историю духа (развернутую картину духовного становления и движения героя), то Даниель Кель-

ман в своем романе в стиле современных теорий несколько меняет контуры и задачи жанра. В его художественном мире между историей и литературой не пролегает четкой границы: и то и другое представляет собой сюжет, все элементы которого подвержены не столько научно-логической, сколько эстетической оценке.

Рубеж XVIII–XIX вв. в Германии (художественное время в романе относится к этому периоду) – эпоха гениев: Гете, Гердер, Кант, Гегель, Шеллинг, Вильгельм Гумбольдт, Александр Гумбольдт, Гаусс, Мебиус. Из этого ряда великих современников Д. Кельман выбирает двоих, делая их носителями основных черт немецкой самобытности. Две личности, два персонажа, объединенные в романе метафорой «измерения мира» (каждый из них по-своему занят его изучением).

Гаусс – гениальный математик, исключительные способности которого проявили себя уже в раннем детстве (автор приводит известный исторический анекдот о восьмилетнем мальчике, мгновенно нашедшем решение задачи о сумме чисел от 1 до 100), уже в юности он написал эпохальный труд о простых числах и сделал в течение жизни много других великих открытий. Ученый, из уважения к которому сам Наполеон отказался от обстрела Геттингена. Александр Гумбольдт – выдающийся исследователь-путешественник, объехавший полмира, естествоиспытатель, вклад которого в науку столь огромен, что сделал его имя почти легендой. Побывав в тропических странах Америки и Азии, он добыл целый свод знаний из разных отраслей науки – физики, химии, геологии, ботаники, географии, этнографии; человек, которого называли вторым (после Колумба) первооткрывателем Нового Света.

Тот факт, что у романа два героя, придает повествованию специфичность. Соединение двух сюжетных линий – это больше, чем просто композиционный прием. Это своеобразный биполяризм, который концептуален для повествования. Гаусс и Гумбольдт, оказываясь в поле личности друг друга (и в поле читательского восприятия) порождают некоего коллективного биполярного героя. Эти два персонажа, как две стороны одной монеты, в единстве дают некую целостность, воплощающую в себе разные грани национального характера и разные страницы немецкой истории. В романе Д. Кельмана Гумбольдт – это человек внешнего научного успеха, а Гаусс – человек внутренней научной самодостаточности. Их жизненные пути идут параллельно, их человеческие и ценностные ориентиры разнятся, но, как и положено параллель-

ным прямым в геометрии Лобачевского (немецкий ученый предвосхитил идеи русского математика), повествовательные линии героев пересекаются, а иногда даже сливаются. Ярче всего это проявляется в финале романа, где Д. Кельман использует принцип диалога на расстоянии. Два великих ума, с легкостью преодолевая пространство, беседуют друг с другом, два сознания сливаются в одно, а два голоса звучат в едином потоке речи.

Однако в романе Д. Кельмана (при новом, постмодернистском типе письма) исторические личности – гениальные ученые Гаусс и Гумбольдт – неизбежно трансформируются. «Измеряя мир» – текст, явно обнаруживающий постмодернистскую расстановку акцентов в интерпретации основополагающих черт «немецкого духа». Под маской веселой несерьезности, порой напрямую обращаясь к форме исторического анекдота, автор пытается дать в лице своих героев иронический духовный портрет нации, обозначив некие архетипические свойства немецкой ментальности. В романе Д. Кельмана оба гения предстают в образе чудаков, ничего не замечающих вокруг кроме своей всепоглощающей страсти к знанию. Нельзя сказать, что перед нами пародийное снижение образа ученого, фанатично преданного своей науке, но каждый из них балансирует на грани серьезного и комического. Так, к примеру, в одном из эпизодов романа Гаусс, осененный идеей, бросает в момент интимной близости новобрачную в своей постели, чтобы записать найденную формулу, а Гумбольдт, привязанный к носу корабля, даже во время ужасного шторма продолжает свои измерения или носит за собой разлагающиеся трупы аборигенов, чтобы сохранить их для науки.

Д. Кельман рассматривает проблему национальной идентичности не в серьезном философско-социологическом ключе (именно такой ракурс характерен для современных немецких мыслителей [3]), а в шуточной игровой манере современной литературы. Его герои порой настолько соответствуют расхожим национальным клише и стереотипам (педантичные немцы, любвеобильные французы, политизированные американцы-демократы, безолаберные русские и т.п.), что кажутся своеобразной иллюстрацией к проблеме восприятия национальной идентичности массовым сознанием. Создается ощущение, что автор выстраивает повествование, словно базируясь на современных этнокультурологических исследованиях. В них, к примеру, отмечают такую национальную немецкую черту, как страсть к путешествиям (доминантная,

почти гротескная, черта в характере главного героя романа, Александра Гумбольдта). Действительно, современные немцы значительную сумму ежегодно тратят на поездки, и Германия переживает сейчас своеобразный туристический бум: «продвижение немцев по миру» нарастает с каждым годом, и определенным символом становится автомобиль-фургон, дом на колесах, очень популярный среди немцев.

Другой «узнаваемой» чертой всякого немца является всепоглощающее стремление к точности и порядку (*Ordnung muss sein!*), постоянное желание все регламентировать, упорядочить, подчинить правилам и законам – особенность менталитета, которая нашла отражение даже в языке [4]. Неукоснительная педантичность, важная грань немецкого национального характера, тоже подвергается ироническому сомнению. Характерен эпизод, в котором Гумбольдт, игнорируя элементарное любопытство, даже не отрывается от своего хронометра во время наблюдения солнечного затмения: «Время остановилось. А потом снова пошло. Свет возвратился: солнечный шар выпростался и засиял, тень сползла с холмов, равнины и горизонта. Птицы кричали, где-то прогремел выстрел. Бонплан опустил зеркало. Гумбольдт спросил, каково это было. Бонплан с недоумением посмотрел на него. Он ведь сам ничего не видел, пояснил Гумбольдт. Только отражение на зеркальном экране. Он, не отрываясь, измерял высоту небесных светил, да еще должен был следить за часами. Так что не было времени осмотреться. Да ведь это не повторится, хрипло сказал Бонплан. Неужели он и правда даже ни разу не взглянул? ...Всего несколько мгновений выпадают на то, чтобы откорректировать ход часов с помощью неба. И есть люди, которые относятся к этой работе серьезнее, чем другие! Все так, но все же... Бонплан вздохнул... Неужели всегда нужно быть настолько немцем?»

Так, русскому «чувствованию», немецкий ум противопоставляет измерение со сверхвысоким уровнем точности. Поэтому характерно ироничное противопоставление полярных ментальностей разворачивает Д. Кельман в той части романа, где его герой, Александр Гумбольдт, путешествует по России (вполне в духе известного шуточного выражения «что русскому хорошо, немцу – смерть»). По словам немецкого лингвиста, философа языка Вильгельма Гумбольдта, который тоже является персонажем романа, каждой страной владеет свой дух и он не меняется со временем. Но высокая пафосность мыслителя-романтика, подвергается иро-

ническому снижению, в тот момент, когда автор начинает обыгрывать социальные и национальные архетипы.

Герой, познающий мироздание и одновременно с этим познающий самого себя, является знаковым для всей немецкой культуры. Быть немцем – это, прежде всего, стремиться к пониманию мира, его глубинных законов. Не случайно и Томас Манн выбирает в качестве основного национального качества немцев *стремление знать*. В 1917 году для газеты *Berliner Tageblatt* он писал: «Когда-нибудь народы будут жить в достойном и почетном соседстве, за мирным рубежом, обмениваясь *своими лучшими качествами*: прекрасный англичанин, утонченный француз, человечный русский и *знающий немец*». Поэтому именно метрология, наука, предметом которой являются все аспекты измерения мира, как своеобразный вектор немецкой ментальности, выступает неким «наваждением» персонажей в романе Д. Кельмана. А ярким символом становится образ карты, которая не адекватна пространству мира и космоса и которую пытаются «усовершенствовать» герои. Это символ несовершенства человеческого знания, непознаваемости мира. Не случайно лейтмотивом проходит в повествовании и выражение «карта врет», фиксирующее главную особенность процесса познания мира человеком – вечно ускользающую сущность, истину и вечное стремление человека к ней приблизиться. Если герой Кафки Землемер К. – метафора познающего мир человека, который оказывается лицом к лицу с его абсурдностью и алогичностью (кстати, Гаусс у Кельмана тоже «в статусе» землемера) – воплощает собой трагический и несколько безысходный взгляд, то герои Кельмана в финале подходят к печальному, но смиренному принятию жизни и мира: «Но разум, – сказал Гумбольдт, – разум диктует природе законы! – Старческие глупости Канта, – Гаусс покачал головой. Разум ничего не диктует и даже мало что понимает... Мир, если понадобится, можно измерить и исчислить, но это далеко не означает того, что он будет понят». [2, с. 234]

Александр Гумбольдт воплощает в себе природное немецкое беспокойство духа, стремление если не к мировому господству, то к покорению мира. Это честолюбивый герой, стремящийся первым вступить на вершину (в символическом ключе может быть прочитана его экспедиция на Чимборосо, высочайшую из известных на тот момент точек земного шара), но одновременно с этим он подвижник науки с фантастическим самоотречением. В своем пер-

сонаже Д. Кельман запечатлел свойственную немецкому духу способность быть полностью поглощенным великой идеей. Кроме того, ученый соединяется в этом герое с художником в попытке дать художественное изображение космоса – и это тоже очень любопытная грань немецкого духа. В этой связи вспоминается и другой естествоиспытатель, натуралист и путешественник, совершивший кругосветное плавание на русском корабле «Рюрик» и оставивший описание этого путешествия, имеющее не только научное, но и художественное значение. Это немецкий романтический поэт Адельберт фон Шамиссо. Его образа нет в романе Кельмана, но типологическое сближение напрашивается само по себе – еще один вариант «немецкого гения» и его стремление измерить (=постигнуть) мир.

Если Александр Гумбольдт воплощает абсолютный принцип движения в пространстве, то Карл Фридрих Гаусс – идею движения во времени. Один опережает современников в пространстве, ступая туда, где еще не была нога европейца, другой «обгоняет» людей во времени. Гений Гаусса – это, прежде всего, абсолютная скорость мысли, опережающая мышление окружающих его людей в разы. Его дар предвидения (в плоскости научно-технического прогресса) – это не мистическая иррациональная способность, а некое сверхразвитие интеллекта, позволяющее ему видеть будущее. В трагикомическом ключе рисуется его стремление найти равного себе по масштабу личности, достойного собеседника, по определению обреченное на неудачу. Вот, например один из характерных комических пассажей: «Из всех людей, которых он когда-либо встречал, его студенты были самые глупые. Он лез из кожи вон, чтобы хоть что-то вложить в их головы... Он говорил так медленно, что забывал в конце начало фразы... ничего не помогало. Он обходил все самые сложные вопросы, не продвигаясь дальше азов.

Они все равно ничего не понимали... экзамен осилил только один молодой человек с водянистыми глазами. Его звали Мебиус, и он один не показался Гауссу кретином. Когда и второй экзамен снова сдал только один, декан отвел Гаусса в сторонку и попросил не быть таким строгим. Гаусс со слезами на глазах отправился домой...». [2, с. 160] Одиночество гения – еще одна магистральная и уже клишированная тема немецкой классической литературы подвергается у Д. Кельмана ироническому снижению.

Подводя итог, следует сказать, что в романе Д. Кельмана «Измеряя мир» ощущается некая двойственность. С одной стороны, лики его героев сливаются в некий клишированный образ типичного немца, образ, базирующийся на стереотипных представлениях о немецком национальном характере. И в этом смысле перед нами, несомненно, постмодернистская игра современной культуры с культурой классической. С другой стороны, Д. Кельман никогда не опускается до тотальной постмодернистской деконструкции. Некая онтологическая глубинность немецкого духа никогда не подвергается ироническому сомнению. В повествовательной ткани романа есть поверхностная зона насмешки и глубинная зона серьезного смысла, закрытого для иронии. Возможно, эту двойственность следует рассмотреть как одну из специфических черт немецкой прозы эпохи постмодерна?

Список литературы

1. Daniel Kehlmann. Die Vermessung der Welt. Rowohlt Verlag GmbH, Reinbeck bei Hamburg, 2005.
2. Даниель Кельман. Измеряя мир. СПб.: Амфора, 2009. 319 с.
3. К. Хюбнер. Нация: от забвения к возрождению. М. 2001. 400 с.
4. Гачев Г. Ментальности народов мира. М. 2008. 544 с.

«IS IT ALWAYS NECESSARY TO BE SO GERMAN?»: IRONIC CONTEXT OF GERMAN IDENTITY IN THE NOVEL «MEASURING THE WORLD» BY DANIEL KEHLMANN

E.G. Proshchina

The author presents her analysis of the ironic reception of German mentality's general properties in the novel «Measuring the World» by Daniel Kehlmann.

Keywords: modern German novel, problem of identity, irony.